

Линь Чэньюй в последнее время находился под бдительным присмотром Сюань Чжэна: каждый день он был обязан выпивать пиалу молока до дна, а пока не допьёт, тому запрещалось заниматься чем-либо еще, из-за чего Линь Чэньюй норовил от него прятаться.

– Чэньюй, это ведь ради твоего блага, – уговаривала его Линь Дайюй, и выражение ее лица было невыразимо мягким. – Молоко полезно для здоровья, если пить его, можно быстрее вырасти. Разве наш Чэньюй не говорил, что хочет стать выше батюшки?

Линь Чэньюй скривился и вздохнул, совсем как взрослый:

– Но я правда не люблю его пить.

Линь Дайюй прикрыла рот ладонью и с улыбкой обратилась к Цзя Минь:

– Матушка, посмотрите на братишку: когда он только научился говорить, целыми днями только и кричал, что хочет молока, а теперь вот передумал. Совсем как у детей – на дню по сто раз мнение меняется.

– Это другое, – с полным правом заявил Линь Чэньюй.

Здоровье Линь Дайюй было слабым, и Линь Жухай с Цзя Минь страшно боялись, что младший сын тоже вырастет хилёком, поэтому собирались кормить его молоком кормилицы еще несколько лет.

Но этого допустить было никак нельзя.

Даже когда он лежал в пеленках, он пил только молоко из пиалы, а иначе ни за что не притронулся бы к груди, пусть даже его заморят голодом до обморока.

А когда научился говорить, то принялся активно отстаивать свои права. Линь Жухай и Цзя Минь, конечно, были против, но после того как он вдоволь поластился и уговорил их всеми возможными способами, они наконец разрешили заменить грудное молоко коровьим.

Тогда Линь Жухай сильно удивился, не понимая, как у такого крохи может быть столь твердое мнение.

Пожалуй, из-за того, что в ту пору он напился его вдоволь, теперь при виде молока ему хотелось бежать сломя голову. Вот только Сюань Чжэн об этом не знал и думал, что Линь Чэньюй просто капризничает, всякий раз подавляя его силой.

Пользовался тем, что он великодушен.

Линь Чэньюй считал себя зрелым разумом взрослым человеком, а потому, разумеется, не собирался сводить счеты с неразумным сорванцом. Будь на месте Сюань Чжэн кто-то другой, он бы давно отходил его кулаками.

Правда, он не хотел признаваться себе, что при виде этого лица у него просто не поднималась рука.

Все-таки ребенок, к тому же желает ему добра. Линь Чэньюй решил не опускаться до уровня Сюань Чжэна.

И все же упрямство Сюань Чжэна доставляло ему немало хлопот. Когда Линь Чэньюй в очередной раз оказался зажат в угол, он с досадой вздохнул:

- Я не люблю его пить.

Сюань Чжэн поинтересовался:

- Почему? Я попросил добавить сладкого меда, оно очень вкусное.

У Линь Чэньюй голова заболела еще сильнее. Он спросил парня:

- Почему ты так настаиваешь, чтобы я его пил? Я уже совсем большой, мне пить его вовсе не обязательно.

- Господин Линь говорил, что в детстве ты сам капризничал и требовал молока, - Сюань Чжэн постеснялся признаться, что случайно услышал болтовню служанок: заметив, что госпожа Линь и барышня Линь слабы здоровьем, он начал сильно переживать за самочувствие Линь Чэньюй.

Хотя обычно тот выглядел крепким, прошлый случай, когда Линь Чэньюй безо всякой видимой причины слег с сильнейшим жаром, напугал его не на шутку.

Сюань Чжэн встревоженно произнес:

- Выпей побольше, чтобы укрепить здоровье. А то вдруг снова поднимется температура, как в прошлый раз, что тогда делать?

Человек, который только что был полон сил и энергии, вдруг заболел, и его белое личико от сильного жара покраснелось - зрелище и правда было пугающим.

Линь Чэньюй опешил. Не ожидая, что дело в том давнем случае, он вдруг усмехнулся и сказал:

- Это была случайность, у меня отменное здоровье, я редко боле...

- Тсс... - Сюань Чжэн внезапно зажал ему рот рукой и произнес: - Такие вещи говорить нельзя.

Линь Чэньюй никак не ожидал, что этот парень окажется таким суеверным. Личико у него было маленькое, и Сюань Чжэну хватало одной ладони, чтобы полностью закрыть ему нос и рот, отчего стало тяжело дышать.

Сюань Чжэн отпустил его:

- Раз ты не любишь, тогда не пей.

В последнее время из-за этого молока Линь Чэньюй от него немного прятался, и на душе у Сюань Чжэна скребли кошки.

Теперь же, когда они во всем разобрались, Сюань Чжэн взял его за руку и сказал:

- Сегодня наставник берет меня с собой в город. Хочешь чего-нибудь вкусного? Я куплю и принесу на обратном пути.

Линь Чэньюй тут же откликнулся:

- Хочу пирожных из лавки Чэнь, а еще жареного мяса от Ван...

Сюань Чжэн аккуратно все запомнил и серьезно пообещал:

- Тогда жди меня дома, я скоро вернусь.

- Хорошо.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру Сюань Чжэна, Линь Чэньюй не знал, плакать ему или смеяться.

Надо же, все из-за того случая.

Но правдивую причину тогдашней лихорадки он никак не мог поверить Сюань Чжэну.

Винить стоило лишь его собственную самоуверенность, хотя в тот момент иного выхода не оставалось.

Линь Жухай был отравлен. И хотя мальчик обнаружил это относительно вовремя, промедли они еще несколько часов, яд проник бы во внутренние органы, и спасти чиновника уже не удалось бы.

Целительская способность в ее прежней, прошложизненной мощи, конечно, пустяковое дело, но тогда он исчерпал свои силы до последней капли, чтобы вытолкнуть яд из тела Линь Жухая.

Всего-то поднялась температура, он и не думал, что это большая проблема.

Кто бы мог подумать, что Сюань Чжэн примет это так близко к сердцу и станет силой затапливать в него молоко столько дней подряд?

Линь Чэнъюй запрокинул голову, глядя на квадратный лоскут неба, ограниченный высокими стенами. Интересно, кто же жаждал сжить Линь Жухая со свету?

Сейчас Линь Жухай занимал пост инспектора по соляным промыслам – для скольких людей он был как бельмо на глазу, как кость в горле! К тому же сам он отличался невероятно ответственным характером.

Дело предстояло не из легких.

Сам он пока оставался ребенком: не говоря о том, что он ничего не мог сделать, любые его слова сочли бы за детскую болтовню, которой не стоит верить.

В этом деле Линь Жухаю придется разбираться самому. Пробыв на ответственном посту долгие годы, он наверняка примерно представлял себе, кто в янчжоуских чиновничьих кругах друг, а кто враг.

Стоило отцу проявить бдительность, и Линь Чэнъюй мог спать спокойно.

Линь Чэнъюй повернулся и направился во внутренние покои Цзя Минь. Еще у порога до него донесся смех, служанка приподняла полог портьеры, и он, перебирая короткими ногами, вошел внутрь:

– Матушка, над чем это вы смеетесь?

– А вот и Чэнъюй пришел, иди скорее к матушке, – Цзя Минь прижала мальчика к груди, как самое сокровище, а ее ухоженное белое лицо сияло улыбкой. – Мы тут с твоей сестрицей вспоминаем твоего двоюродного братца Бао-юя из дома матушкиного рода.

Линь Чэнъюй мгновенно потерял всякий интерес и слушать перестал. Брови Цзя Минь удивленно взлетели вверх, и она укоризненно произнесла:

- Ах ты вредный ребенок, каждый раз, как заводишь разговор о двоюродном брате, делаешь такое лицо.

Линь Чэньюй опустил ресницы и понурил голову:

- Ничего подобного.

- Это еще почему ничего? - Цзя Минь изумлялась все больше. Чэньюй ведь никогда в глаза не видел Бао-юя, с чего бы ему так пренебрежительно к нему относиться? - Расскажи матушке толком, в чем дело?

У Линь Дайюй на этот счет уже имелось кое-какое предположение.

Но как Линь Чэньюй мог объяснить Цзя Минь, что они находятся на страницах книги, а тот самый племянничек, которого она то и дело поминает в разговорах, в изначальном сюжете сведет в могилу ее собственную дочь?

- Просто он мне не нравится, - Линь Чэньюй принялся загибать пальцы, перечисляя пороки этого цзяньканского булжника. - Он ест румяна на губах служанок, с малых лет распутничает.

- Книг не читает, боевыми искусствами не занимается, целыми днями отирается среди девчонок, к успеху не стремится.

- Женатых людей сравнивает с рыбьими глазами, не уважает женщин.

...

- Ладно-ладно, - Цзя Минь от его бесконечного потока жалоб даже голова заболела. - Он еще мал, вот подрастет, дядя возьмется за его воспитание как следует, глядишь, и исправится.

Звучало это неубедительно. Линь Чэньюй был намного младше того сорванца, однако целыми днями либо читал книги, либо занимался боевыми искусствами с наставником, не лентяйничая ни единого дня, так что даже самый строгий учитель в городе Янчжоу отзывался о нем исключительно с восхищением.

Из-за никудышного племянника Цзя Минь тоже сильно переживала, но в конце концов она была дочерью, выданной замуж в другую семью, к тому же матушка с невесткой обожали Бао-юя до безумия. Скажи она лишнее слово - и неизбежно навлечет на себя немилость.

Оставалось лишь уповать на то, что ее второй брат проявит строгий надзор и заставит Бао-юя избавиться от этих дурных привычек.

На это Линь Чэньюй мог ответить лишь одно: понять он это понимал, но поддерживать не собирался. Цзя Бао-юй – проклятый мерзавец, и если он в будущем подохнет с голоду, к нему это не будет иметь никакого отношения.

<http://bllate.org/book/20882/2111123>